

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО.

3—5 октября, 1879.

I.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

Литературное празднество, которымъ напомнилъ о своемъ существованіи старый „королевскій градъ“ Краковъ, развѣнчаннй когда-то Варшавою, а нынѣ опережаемый и затмѣваемый во многихъ отношеніяхъ выскочкою Львовомъ,—сложилось изъ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ; эти элементы проявлялись на празднествѣ самостоятельно, и въ весьма различной степени интересовали тѣ группы лицъ, которыя приняли въ немъ участіе—духовенства и мірянъ, краковянъ и галичанъ, поляковъ коренныхъ и разсѣянныхъ по всему свѣту, братьевъ-славянъ и западныхъ европейцевъ. Главныхъ элементовъ однако было два: одинъ мѣстный, для иностранцевъ совсѣмъ почти незамѣтный: открытіе краковскихъ „Суконницъ“, отстраиваемыхъ вновь съ 1876 г.; другой—литературный, выходившій далеко за предѣлы Кракова: чествованіе феноменальнаго человѣка, баснословно-плодовитаго, который, не переставая быть по профессіи исключительно только литераторомъ и не принимая на себя никогда иной роли, не только доставилъ польской литературѣ большую извѣстность за этнографическими границами своей народности, но и оказалъ на своемъ скромномъ посту громадныя услуги своей націи, какъ гражданинъ, въ теченіи полувѣка. Совпаденіе открытія Суконницъ съ Крашевскимъ было чисто случайное. Никто и не думалъ о юбилеѣ, когда приступлено было къ отстройкѣ вновь Суконницъ; уже во время постройки польская журналистика подняла вопросъ о приближающейся пятидесятилѣтней годовщинѣ литературной дѣятельности многопотрудившагося человѣка: краковскій библиографъ Карлъ Эстрейхеръ на себя перечислить произведенія Крашевскаго, но при всѣхъ стараніяхъ каталогъ остался все-таки неполнымъ, хотя и составилъ книжку, in 8°, въ 58 страницъ. Возникли также споры о расчѣтѣ лѣтъ, такъ какъ въ печати первыя произведенія Крашевскаго появились только въ 1830 г. („Котлетка“, „Біографія Органиста“, въ сборникахъ; первая отдѣльно напечатанная повѣсть: „Панъ Валерій“, пропущена цензурою въ декабрѣ 1830 г.). Надлежало бы собственно избрать 1880 г., но за точку отправленія были взяты, при опредѣ-

леніи времени, рукописныя работы 1829 г. по составленію польско-русско-французскаго словаря и по исторіи польскаго языка, представленныя на конкурсъ для полученія каведры въ виленскомъ университетѣ. Слабое здоровье юбиляра и нетерпѣніе публики, симпатично отнесшейся къ мысли объ увѣнчаніи популярнѣйшаго изъ польскихъ писателей, заставили перенести празднованіе съ 1880 года на 1879.

Гдѣ праздновать юбилей?—Ни мѣсто воспитанія Крашевскаго, ни мѣсто его рожденія, гдѣ языкъ его хотя живетъ въ частномъ кругу и въ театрѣ, но все же не пользуется правами, равными съ западными языками, и гдѣ потому не преподается въ школахъ исторія его литературы,—не могли быть избраны для юбилея. Нельзя было также предложить Познань, гдѣ хотя и предоставлены для конкуренціи съ нѣмецкою культурою мѣстнымъ славянамъ всѣ легальныя средства, но борьба происходитъ слишкомъ неравная, и совершается систематическое вытѣсненіе германскою расою не только коренного помѣщика, но и коренного польскаго мужика. Оставалась только Галиція, а въ ней именно одинъ изъ двухъ центровъ: Львовъ, либо Краковъ. Между этими центрами существуетъ глубокий, ничѣмъ неизгладимый антагонизмъ, гораздо болѣе рѣзкій, нежели между Берлиномъ и Вѣною, или Москвою и Петербургомъ. „Станчиками“ обзываетъ львовянинъ представителей краковской интеллигенціи, на что краковянинъ отвѣчаетъ презрительно такимъ же прозвищемъ: „трумтадраты“.—Въ сущности обѣ влички не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла. Трумтадратія—этимологически однородно съ выраженіями: аристократія, демократія, плутократія, и обозначаетъ господство безшабашныхъ болтуновъ, политическихъ вертопраховъ, анархистовъ,—но со шляхетскими привычками „liberum veto“, и которые превратились въ демагоговъ, послѣдователей начала: „libellum conspiratio“, людей занятыхъ не настоящимъ дѣломъ, а раздуваніемъ кузнечными мѣхами огня энтузіазма, который, по ихъ понятіямъ, безъ нихъ совсѣмъ бы погасъ. Станчикъ былъ придворный шутъ короля Сигизмунда I, котораго Матейко и изобразилъ на извѣстной картинѣ,—нѣчто въ родѣ польскаго Трибула. Въ 1870 г., трое талантливыхъ писателей: Шуйскій, Тарновскій, Козмянъ, пустили въ ходъ такъ-называемый „Портфель Станчика“ (Tekka Stańczyka), въ которомъ бичевали польское движеніе 1863 г. Операция была непріятная, струи воды, пускаемой ими на паціентовъ, были черезъ-чуръ холодны; упомянутые „станчики“ и теперь продолжаютъ такъ дѣйствовать. Непремѣнный секретарь краковской академіи, первоклассный историкъ, бойкій памфлетистъ, Іосифъ Шуйскій на юбилейномъ завтракѣ литераторовъ 5 (17) октября самъ себя опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: „Я, господа, шестнадцать лѣтъ какъ состою въ пожарной командѣ;

гдѣ горить—тамъ и я являюсь съ трубами; много я получилъ на этой службѣ ушибовъ и обжоговъ, но вѣренъ остался девизу, которому не годится намъ не слѣдовать подѣ страхомъ матереубійства: „бери цѣли по силамъ“. За то—чего-чего не взводили на станчиковъ: и клерикалы они, и аристократы, и эпигоны Велепольскаго, и переодѣтые „москалы“.

Въ сущности обѣ характеристики одинаково несостоятельны. И въ Львовѣ много трезвыхъ головъ, разсудительныхъ людей, но все-таки надо признаться, что въ этомъ городѣ, гдѣ первымъ журналистомъ состоитъ Добржанскій, или такъ-называемый „король Янъ IV“, цинически мѣняющій убѣжденія, гдѣ пишетъ загрязненный многими безчинствами, но остроумнѣйшій изъ польскихъ сатириковъ Лямъ, тамъ почва подѣ ногами сильно трумтадратическая; празднество не могло бы быть выдержано въ этомъ городѣ въ одномъ характерѣ; прорвались бы силою вещи непріятныя,— были бы выходки весьма неудобныя, и само австрійское правительство могло бы не согласиться на празднество ради своихъ добрыхъ отношеній къ сосѣдямъ. Съ другой стороны, и „станчики“ терпятъ совершенную напраслину отъ своихъ недоброжелателей: вожди ихъ вовсе и не клерикалы, хотя были противниками заносчивой въ „Kulturkampf“ политики Бисмарка, и не аристократы. Положимъ, Тарновскій—графъ, но и донинѣ ему не могутъ забыть его „Порцій“,—статья, въ которой онъ ополчался на помѣщиковъ за эксплуатируемый экономически крестьянскій народъ посредствомъ хитрыхъ формъ личнаго найма и аренды. Какой же аристократъ Шуйскій, который требуетъ демократіи, но очищенной отъ анархическихъ привычекъ, дисциплинированной, консервативной (*O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki*, 1877). Они всѣ немного доктринеры, и непривычному къ послѣдовательности обществу становится порою жутко въ этихъ леденящихъ тискахъ неумолимо строгой логики, непригодной для этого общества по его темпераменту; вотъ почему „станчики“ вообще мало популярны, но они составляютъ превосходно сплоченную армію съ ограничекою, правда, но вполне осмысленною программю,—армію, которая кое-что сдѣлала, опредѣлила образъ дѣйствія виѣ-россійскихъ поляковъ во время восточной войны, и парализовала всѣ попытки англійскихъ агентовъ и вербовщиковъ. „Станчики“ только и могли свить себѣ гнѣздо въ Краковѣ, гдѣ люди, по-неволѣ, становятся серьезнѣе, чтобы не мѣшать покою мертвецовъ, гдѣ камни краснорѣчивѣе людей, гдѣ отъ высокихъ башенъ вѣетъ спокойствіемъ, величіемъ, торжественностью. Только Краковъ и могъ послужить приличною для юбилея обстановкою.

Но Краковъ малъ и тѣсенъ, гдѣ устроить торжество?—Един-

ственно возможное scenarium представляли Суконницы, которая городская краковская дума рѣшила какъ можно скорѣе ко дню торжества окончить, не пожалѣвъ, сверхъ истраченныхъ на отстройку полумилліона гульденовъ, еще десятка тысячъ на пріемъ и угощенія. Но предпріятіе встрѣтило себѣ препятствіе въ средѣ самихъ краковянъ. Въ той партіи, которую обзываютъ общимъ именемъ „станчиковской“, обрѣтаются, конечно, всякіе люди: и ультрамонтаны, памятующіе, что Крашевскій ратовалъ противъ догмата непогрѣшимости папы, и уязвленные не слишкомъ лестными изображеніями польской знати въ романахъ Крашевскаго аристократы. Поэтому вліятельнѣйшіе изъ вожаковъ партіи возражали, что они не признаютъ за юбиляромъ особенной геніальности, или имѣютъ съ нимъ личные старые, не сведенные пока счеты (проф. Тарновскій), съ тѣхъ еще поръ, когда Крашевскій, поселившись съ 1863 г. въ Дрезденъ, издавалъ подъ именемъ „Болеславита“ свои критическіе „Итоги“ (Rachunki), въ которыхъ препирался съ своими краковскими разномышленниками довольно рѣзко и сердито. Но всякая оппозиція должна была уступить передъ натискомъ извнѣ, передъ подхваченною въ мигъ и разнесенною повсюду, гдѣ только есть польскій элементъ, идеею о юбилеѣ. Не дожидаясь его, устраивались въ честь Крашевскаго стипендіи, издавались въ Варшавѣ въ его пользу отборнѣйшія его сочиненія, составлялся юбилейный сборникъ въ нѣсколькихъ томахъ, въ которомъ нѣсколькими десятками историковъ и критиковъ разобраны его дѣятельность и произведенія во всевозможныхъ отношеніяхъ. Очевиднымъ становилось, что общество польское въ Крашевскомъ чувствуетъ и вѣнчаетъ свою культуру и желаетъ произвести смотръ своимъ умственнымъ силамъ, удостовѣриться въ своей зрѣлости, съѣхавшись на празднество чисто-литературное, безъ всякаго политическаго значенія, которое по самому своему характеру никого бы не обезпokoило, да и между собравшимися не дало бы повода, какъ то иногда случалось, къ послѣдующимъ раздорамъ и пререканіямъ.

День открытія Суконницъ и начала юбилейнаго обряда назначено было 18 (30) сентября, но этотъ день оказался неподходящимъ для познанцевъ по причинѣ совпадавшихъ съ нимъ выборовъ въ прусскій сеймъ; пришлось отложить праздникъ на три дня, съ 30 сентября на 3-е октября, причемъ не обошлось безъ попытокъ раздѣлить оба торжества: тогда мѣстные элементы явились бы *вст* на открытіе Суконницъ, послѣ чего отъ отдѣленнаго извѣстнымъ промежуткомъ юбилейнаго торжества могли бы уклониться лица, нерасположенные къ юбиляру, что послужило бы новымъ доказательствомъ старой истинны, что нельзя всѣмъ на свѣтѣ угодить. Городская дума, подъ предсѣдательствомъ Н. Зыбликевича, рѣшила однако соединить оба

акта, перенеся ихъ на 3-ье октября (21 сентября). До послѣдней почти минуты оставалось неизвѣстнымъ, приметъ-ли въ церемоніяхъ участіе высшее духовенство, пока не явился выѣхавшій изъ Кракова епископъ Дунаевскій. Одновременно разнеслось извѣстіе, что австрійскій императоръ оказалъ особое вниманіе польскому писателю не-австрійцу, пожаловавъ ему командорскіе знаки ордена Франца-Иосифа, что придадо по необходимости празднеству нѣкоторый оффиціальныи, черножелтый оттѣнокъ, выступавшій однако въ довольно рѣдкихъ моментахъ. Оба обряда соединились, такимъ образомъ, въ одно цѣлое по совершенно вѣшной причинѣ: одинъ—какъ устроеніе сцены дѣйствія, другой—какъ введеніе на эту сцену главнаго дѣйствующаго лица. Была ли между обоими этими предметами другая связь—внутренняя, подходила ли сцена къ личности юбиляра, соотвѣтствовала ли ей? Я полагаю, что соотвѣтствовала въ весьма значительной степени.

II.

Что такое Суконницы (Sukiennice)? — Большой базаръ, родъ го-
стинянаго двора на главной площади Кракова. На этой площади, по
ея серединѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпной готической
кирпичной церкви св. Дѣвы Маріи и неподалеку отъ королевскаго
зѣмка на исторической горѣ Вавель, стояли нѣкогда двумя рядами
каменные лавки, съ откидными ларями, въ которыхъ продавались
сукна (Краковъ принадлежалъ къ Ганзейскому Союзу и велъ оживлен-
ную торговлю съ Германіею и Нидерландами). Въ послѣднемъ деся-
тилѣтїи XIV столѣтія при королѣ Ягеллѣ рѣшено изъ всѣхъ сукон-
ныхъ лавокъ (camerae pannorum) образовать одинъ суконный крытый
домъ (pannitheka). Эта работа поручена была нѣмцу мастеру Мар-
тину Линдинтольдѣ. Этотъ строитель возвелъ продолговатымъ четверо-
угольникомъ зданіе, съ двумя на-крестъ пересѣкающимися проходами,
продольнымъ и краткимъ поперечнымъ, составляющими продолженіе
улицъ, пересѣкающихся въ срединѣ площади подъ прямыми углами.
Стиль постройки былъ готическій, стѣны извнѣ поддерживались
контрфорсами и облѣпились множествомъ пристроекъ; въ стѣнахъ
на высотѣ были окна, пропускавшія свѣтъ во внутренность базара.
Все строеніе прикрито было высокою деревянною острореберною
крышею, прорѣзанною множествомъ слуховыхъ окошекъ. Таковы были
первоначальныя Суконницы, когда пожаръ 1555 г. уничтожилъ все
деревянное, съ крышею и стропилами, и оставилъ голыя стѣны. Случился
этотъ пожаръ, когда и городъ былъ весьма богатъ, и въ пол-

номъ было цвѣту и распространеніи модное по тому времени искусство возрожденія. Возобновленіемъ ихъ занялся итальянецъ *Джованни-Марія Падовано* или *Падуанецъ*, прозванный *il Mosco* (москочить?). Этотъ зодчій, бывшій въ то же время отличнымъ скульпторомъ, воспользовался уцѣлѣвшими стѣнами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ построилъ Линдинтольдъ, но, вмѣсто деревяннаго потолка, онъ прикрылъ базаръ круглымъ кирпичнымъ сводомъ, вслѣдствіе чего базаръ превратился въ тоннель, а крыша на чердакѣ его вышла плоская. Чтобы закрыть ее, Падовано надъ карнизомъ устроилъ декоративный маскирующий ее аттикъ, являющій видъ второго (фальшиваго) этажа, съ пиластрами и нишами, съ зубчатыми линиями верха стѣнъ, гдѣ на столбикахъ, соединенныхъ эсами, посажены были въ перемежку — то вазы, то смѣющіяся и кривляющіяся рожи уродливыхъ масокъ. Красота зданія была чисто вѣшняя; надо отдать справедливость Падовано, что онъ искусно согласовалъ готическій стиль основанія съ ренесансомъ вершины, но тѣмъ онъ и ограничился. Внутренность базара была самая невзрачная. Мало-по-малу, суконная торговля изъ него ушла, и превратился онъ въ толкучій рынокъ: неопрятный, темноватый и вонючій. Не будучи никогда поправляемо, старое зданіе портилось и обваливалось, крошилась штукатурка, осыпались орнаменты, трескались стѣны.

Въ 1869 г., городская дума совершила громадный подвигъ, рѣшила реставрировать Суконницы, не пожалѣвъ издержекъ, которыя оказались весьма велики, сравнительно съ средствами города, имѣющаго немногимъ больше 50 т. жителей. Задача поставлена была весьма не легкая: во-первыхъ, сохранить вполне стиль постройки, сдѣлавшійся традиціоннымъ, легендарнымъ; не портить сревневѣковаго Кракова, вставляя модную современную вещицу, вмѣсто характерной старой, на той, всѣмъ съ дѣтства по изображеніямъ извѣстной, площади, которая для цѣнителя и любителя искусства въ его историческомъ развитіи немыслима безъ формъ, гдѣ готическое сочеталось съ итальянскимъ; во-вторыхъ, устроить нѣчто комфортабельное, удобное, соответствующее всѣмъ гигиеническимъ требованіямъ современной архитектуры, дать много свѣта, воздуха, воды, соединить красивое съ полезнымъ, ввести возможное изящество въ область обыденнаго и вулгарнаго. Эти задачи выполнилъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и искусствомъ инженеръ *Тома Прилинскій*, при дружномъ содѣйствіи краковскихъ археологовъ и артистовъ. Прежде всего, площадь вся очищена, снесены всѣ деревянные лари, бутки, пристройки, даже старинная гауптвахта. На всей площади остались всего три постройки: Суконницы, башня не существующей уже ратуши, да маленькая церковь св. Войтѣха въ стилѣ барокко, стоящая

на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, училъ и проповѣдывалъ чехъ-апостоль Польши. Стало на площади просторно, по всѣмъ направленіямъ открылись красивыя перспективы. Во всю длину зданія, съ обоихъ его боковъ, очищенныхъ отъ прилѣпившихся къ нимъ пристроекъ, идутъ теперь красивыми огибальными аркадами два перестіля въ строго-готическомъ вкусѣ; надъ карнизомъ поставлены легкія, изваянные тонко въ видѣ кружева, каменные перила. Аттикъ остался, но онъ пересѣченъ на-крестъ поперечнымъ флигелемъ, который продолженъ до самаго карниза и образуетъ два боковые фасада, украшенные лѣпною работою. На одномъ фасадѣ усѣлись двѣ загадочныя Діаны, на другомъ, по рисунку Матейки, помѣщены, съ одной стороны, бойкій пѣтухъ на смѣющейся маскѣ и спѣсивый индюкъ на печальной. По угламъ устроены эркера. Эти эркера, боковые флигеля и прорѣзанный ими аттикъ образуютъ просторный верхній этажъ, посвященный музеямъ, школѣ живописи, искусству, между тѣмъ какъ тоннель отведенъ мелкому торгашеству, а подъ аркадами устроились нарядныя лавки. Трудно передать всю роскошь украшеній: причудливыя рѣзныя капители колоннъ образованы изъ переплетающихся растений, гирляндъ, изъ нагихъ дѣтей, поясныхъ фигуръ мужскихъ и женскихъ. Въ ажурныхъ желѣзныхъ воротахъ, стѣнныхъ желѣзныхъ украшеніяхъ и висячихъ фонаряхъ кузнецъ соперничалъ съ скульпторомъ. Все зданіе имѣетъ цѣлый гармоническій характеръ, какъ-будто бы оно было осуществленіемъ одного артистическаго замысла, какъ-будто бы одинъ человѣкъ его задумалъ и исполнилъ, какъ-будто бы въ этомъ сложномъ цѣломъ, промыселъ былъ органически связанъ съ искусствомъ, и цвѣтъ искусства былъ только продолженіемъ и увѣнчаніемъ стебля промышленности. Не ждите въ этой работѣ вдохновенія оригинальности, имъ вообще не можетъ похвалиться нашъ вѣкъ, который беретъ все больше умѣніемъ, нежели своеобразною новизною; но подъ средневѣковыми формами васъ поражаетъ совсѣмъ не средневѣковое содержаніе; вы осязаете въ этой стройной работѣ господство буржуазіи, воцареніе того средняго состоянія, которое, расчищая мѣсто для будущей демократіи и образуя переходное звено, между средними вѣками и демократическимъ будущимъ, пробавляется старыми идеалами, распоряжается, точно своимъ добромъ, наслѣдствомъ, которое ему досталось даромъ отъ вымершей цивилизаціи, создавшей готическіе соборы, рыцарскіе замки и дворцы королей. Я полагаю, что эти особенности архитектурной реставраціи Суконицъ и служатъ точками соприкосновенія между возобновленнымъ зданіемъ и Крашевскимъ.

Родившійся 1812 года въ Варшавѣ, кончившій воспитаніе въ Вильнѣ, Игнатій-Іосифъ Крашевскій до конца 1862 года жилъ въ

предѣлахъ Россіи, подвизался какъ литераторъ и журналистъ сначала въ волынской губерніи, потомъ въ Варшавѣ, откуда и долженъ былъ выѣхать въ тихій и скромный Дрезденъ. Хотя и коренной шляхтичъ, онъ, однако, человѣкъ новый, добывшій самъ свою славу, и притомъ стяжавшій эту славу единственно только какъ литераторъ, только перомъ, только посредствомъ усидчивой кабинетной работы. Никогда не пытался онъ группировать вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія, не только онъ себя не предлагалъ въ вожатые какой бы то ни было партіи, но и не принадлежалъ ни къ какой партіи, а дѣйствовалъ особнякомъ, угадывая потребности публики, стараясь имъ удовлетворить, не забѣгая значительно впередъ, идя съ большинствомъ шагъ за шагомъ, но всегда въ духѣ умѣренного прогресса. Если его нельзя назвать писателемъ гениальнымъ, ни даже просто новаторомъ, если, написавъ цѣлыя сотни повѣстей, онъ создалъ въ этихъ повѣстяхъ весьма немного неуважимо-живыхъ типовъ, такъ какъ онъ больше наблюдалъ и фотографировалъ,—то все же онъ наблюдалъ и фотографировалъ съ такимъ увлеченіемъ и успѣхомъ, что на основаніи однихъ только его повѣстей можно бы составить по ихъ портретамъ фізіологію нѣсколькихъ смѣнившихся одно послѣ другого поколѣній, въ особенности въ періодъ съ 1830 по 1863 годъ. Аналитическимъ умомъ онъ не отличался, и не былъ теоретикомъ неизмѣнно вѣрнымъ однимъ и тѣмъ же началамъ: ему приходилось иногда мѣнять убѣжденія, убѣдившись въ противномъ; но искрененъ онъ былъ и при этой перемѣнѣ, и проповѣдывалъ только то, во что горячо вѣрилъ. Человѣкъ сердечный и сильный инстинктомъ, Крашевскій не только наблюдалъ, но и заключалъ, направлялъ, судилъ. Сужденія его, это—сужденія человѣка образованнаго, гуманнаго, принадлежащаго къ упомянутому мною среднему классу, неимѣющему никакого опредѣленнаго состава, но пополняющемуся какъ изъ всего того, что выдвигается изъ массы по уму и талантамъ, такъ и изъ того, что изъ шляхетской среды и изъ аристократіи вошло сознательно въ широкое русло потока времени, желая жить, а не безцѣльно умирать. Рѣшительный противникъ привилегіи и неволи, Крашевскій поработалъ много въ пользу отмены крѣпостнаго состоянія, посвятилъ подѣлку его корней самыя сильныя изъ своихъ произведеній. Къ отживающимъ идеалистамъ стараго строя онъ питалъ всегда нѣкоторое сочувствіе, но, изображая ихъ порою симпатическими чертами, онъ никогда не скрывалъ, что они отходящіе (*Morituri*—таково заглавіе одного изъ его романовъ), и притомъ отходящіе бесплодно, бездѣтно, никѣмъ неоплакиваемые. Слабость его къ людямъ прошлаго понятна—онъ самъ принадлежитъ въ Польшѣ къ разряду тѣхъ, которыхъ въ Россіи привыкли называть „людьми со-

роковыхъ годовъ“; онъ несъ передъ собою свѣточъ идеала и всего больше ратовалъ противъ разнузданности страстей, противъ грубыхъ оргій силы и эгоизма; „я всегда предпочиталъ—говоритъ онъ—братство борьбѣ за существованіе, и стоялъ за правъ слабого противъ правъ кулака“. Всѣ роды литературы онъ испробовалъ, сочиняя многотомныя историческія произведенія (Исторія Вильны, Исторія трехъ раздѣловъ Польши), древнелитовскій эпосъ стихами (Anafielas), писалъ комедіи, драмы, цѣлый циклъ повѣстей изъ древняго быта Польши, издавалъ историческія записки, но проявилъ главнымъ образомъ свое мастерство въ простѣйшемъ родѣ литературы, въ простой безпритязательной повѣсти, читаемой даже такими слоями общества, которыя ищутъ въ литературѣ развлеченія, и которымъ болѣе серьезное чтеніе затруднительно или недоступно. Если сообразить, что Крашевскій написалъ 250 болѣею частью многотомныхъ произведеній, въ 440 томахъ, и безчисленное множество корреспонденцій; что производительность его не только не слабѣетъ, но съ годами растетъ; что за послѣдніе 4 года, 1875 — 1879, онъ напечаталъ 60 оригинальныхъ произведеній—повѣстей, біографій (по 15 въ годъ), то легко себѣ представить ту громадную извѣстность, которою онъ пользуется. Нѣтъ писателя, который былъ бы одинаково съ нимъ популяренъ и повсемѣстно любимъ, благодаря своему примиряющему и къ единенію приводящему вліянію. Его бы можно сравнить съ широкою рѣкою, имѣющею неглубокій фарватеръ, тихо и ровно плывущею средъ невысокихъ и нескалистыхъ береговъ. Таковъ герой юбилейнаго празднества, которое мы и прослѣдимъ въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

III.

Юбилейный комитетъ, составленный главнымъ образомъ изъ членовъ городской думы, *никого* не приглашалъ, а брался только разиѣстить ожидаемыхъ гостей и доставить имъ возможность участвовать въ главныхъ моментахъ празднества. За нѣсколько недѣль назначенъ былъ срокъ, къ которому могли записываться гости и присылать деньги на обѣдъ по подпискѣ—предосторожность нелишняя, такъ какъ число пріѣхавшихъ въ Краковъ достигло громадной цифры 11,200 человекъ. Необходимость заставила потѣсниться. Краковяне рѣшили уступить свои билеты въ театръ и на обѣдъ пріѣзжимъ посетителямъ. Гостинницы не могли бы помѣстить и десятой доли пріѣзжихъ, если бы комитету не помогло частное гостеприимство. Каждый мало-мальски зажиточный человекъ принималъ къ себѣ,

сколько могъ, прїѣзжихъ; варшавскіе наборщики помѣщались и угощались краковскими, адвокатъ останавливался у адвоката, литератору отводилась квартира у литератора. Нѣкоторыя гостиницы рѣшили брать съ заграничныхъ посѣтителей цѣны за нумера обыкновенныя, такъ что, несмотря на многолюдство, не ощущалось особенныхъ неудобствъ отъ тѣсноты. Депутація, съ вице-президентомъ города Вейгелемъ во главѣ, отправилась за юбиляромъ въ Дрезденъ; въ распоряженіе ея былъ данъ особый вагонъ I класса, въ которомъ Крашевскій и прїѣхалъ 2-го октября въ четвертомъ часу пополудни. Городъ извѣщенъ былъ о прїѣздѣ стѣнными афишами, но довольно поздно; несмотря на то, тысячъ пять народа собрались на вокзалъ желѣзной дороги. Студенты съ розовыми кокардами на груди и добротная пожарная команда въ своихъ официальныхъ мундирахъ образовали черезъ весь вокзалъ до разъѣзднаго крыльца двѣ живыя стѣны, между которыми прошелъ юбиляръ, окруженный членами городского совѣта при оглушительныхъ крикахъ: *niesch żyje!* У крыльца размѣстились ремесленные цехи со своими значками и хоругвями; эта импровизированная гвардія окружила экипажъ, въ который усѣлись Крашевскій съ бургомистромъ Зыбликевичемъ.—она-то разстроила затѣи и попытки нѣкоторыхъ болѣе пылкихъ энтузіастовъ, хотѣвшихъ выпрагать лошадей и тащить экипажъ на себѣ. Скромный фіакръ, осѣненный хоругвями цеховъ, и являвшій, такимъ образомъ, подобіе колесницы триумфатора, употребилъ полчаса времени, чтобы пробраться съ вокзала до отстоящей отъ него на полверсты Дрезденской гостиницы, гдѣ запросто и для всякаго изъ безчисленныхъ посѣтителей доступно помѣстился скромный виновникъ праздника. Таковъ былъ краткій прологъ представленія, имѣвшій характеръ преимущественно городской, буржуазный. Вечеръ былъ посвященъ нѣсколькимъ неизбежнымъ визитамъ, къ властямъ, къ профессору Тарновскому, которому протянута была юбиляромъ рука для преданія забвенію прошлой полемики. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, и во многихъ ярко освѣщенныхъ окнахъ красовались бюсты или портреты Крашевскаго, его сухошавая фигура, сгорбленная, окладистая борода песчаного цвѣта съ просѣдью, морщинами покрытое лицо, все выраженіе котораго сосредоточивается въ характерныхъ складкахъ чела отъ вѣчно напряженнаго вниманія, и въ необычайно живыхъ глазахъ. Какъ въ этотъ день, такъ и въ предшествующій только кончались работы по очисткѣ площади и Суковницъ отъ мусора и щепокъ.

Настоящее празднество открылось въ пятницу, 3-го октября, и явило прежде всего практическій примѣръ совершеннаго разобщенія духовнаго съ свѣтскимъ, отдѣленія церковныхъ церемоній отъ гражданскихъ. Началось, какъ подобаетъ, съ божественнаго, от-

служена со всѣмъ великолѣпіемъ обѣдня въ архипресбитеріальной городской громадной готической церкви св. Маріи, съ башни которой, по древнему уставу и обычаю, дежурный стражникъ днемъ и ночью трубить гейналы, оповѣщающіе конецъ каждого часа. Прелестная была игра свѣта въ цвѣтныхъ окнахъ хора. Узкій корпусъ церкви биткомъ былъ набитъ публикою, острые высокіе своды отражали превосходно звуки церковныхъ пѣсней, положенныхъ на музыку старинными мастерами-композиторами, начиная съ XVI вѣка. Особенно выдѣлялся звучный пріятный голосъ сопрано пѣвицы Слугоцкой, крестной дочери Крашевскаго. Въ пресбитеріумѣ, на возвышеніи передъ алтаремъ, рѣзныя скамьи канониковъ и нѣсколько рядовъ стульевъ были отведены по обѣ стороны для почетныхъ гостей и делегатовъ, привезшихъ адреса и подарки, числомъ до двухсотъ человѣкъ. Какъ въ церкви, такъ и вообще во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, вплоть до заключительнаго бала, прекрасный полъ отсутствовалъ, остракизмъ распространился даже на дамъ-писательницъ. Дамъ въ пресбитеріумѣ не было, имъ отведены были только церковные хоры. Печальные цвѣта бѣлый съ чернымъ мужскихъ фраковъ и галстуховъ разнообразились появленіемъ золоченыхъ цѣпей на груди университетскихъ депутатовъ и яркихъ національных польскихъ костюмовъ, жупановъ, контушей, поясовъ, карабелей, копаковъ съ брилліантовыми брошками и цаплиными перьями. Юбилара усадили у самаго алтаря, окруженнаго братьями и племянниками, а возлѣ него помѣщались маршалъ галиційскаго сейма гр. Водзицкій и бургомистръ Зыбликевичъ. Обѣдня обошлась безъ проповѣди, обыкновенно связующей церковный обрядъ съ интересами настоящаго момента.

Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ черезъ площадь въ самый нижній тоннель, впервые открываемый офиціально. По освященіи зданія епископъ произнесъ слово, въ которомъ не было ни помину о юбиларѣ, ни намекъ на юбилей, а просто возданіе хвалы Господу, за приведенную къ концу постройку, и назиданіе людямъ, чтобы они жили благочестиво и богобоязненно. Тутъ, какъ бы кто ножомъ отрѣзалъ: актъ церковный кончился, краковскій епископъ исчезъ и не показывался больше, даже на торжественномъ обѣдѣ; гласные думы отправились на верхъ подписывать протоколъ открытія зданія, юбиларъ уѣхалъ къ старостѣ львовскому, помощнику намѣстника Бадѣни—получать австрійскій орденъ на шею, который онъ съ тѣхъ поръ носилъ все время вмѣстѣ съ пожалованною ему прежде итальянскою звѣздою Corona d'Italia; замѣтимъ мимоходомъ, что оба къ нему вовсе не шли, точно ни они для него не созданы, ни онъ для нихъ.

Въ часъ потомъ, въ томъ же самомъ тоннелѣ началось чествованіе юбиляра при слѣдующей обстановкѣ. Изъ двухъ поперечныхъ ходовъ одинъ былъ закрытъ и преобразованъ въ темный альковъ; къ нему примыкала эстрада въ нѣсколько ступеней. На ней поставлено кресло для юбиляра, шкафъ по замыслу библіографа Эстрейхера, наполненный одними только его произведеніями, столъ для раскладки даровъ. Оба длинные конца тоннеля переполнены публикою. Черезъ главный входъ съ Сѣнной улицы, прямо ведущей на эстраду и къ алькову, пропускаются только делегаты обществъ, учреждений, областей. У входа военная музыка, подъ руководствомъ композитора Желенскаго, исполняетъ кантату въ честь Крашевскаго, сочиненную лучшимъ современнымъ польскимъ лирикомъ Асныкомъ (онъ же и секретарь юбилейнаго комитета). Кантата весьма проста, безъ пафоса и гипербола, и выражаетъ счастье того, кто въ новыхъ занимающихся заряхъ ясно видитъ грядущее возрожденіе; кончается же она увѣренностью въ томъ, что живъ еще народъ, и великъ онъ, когда онъ возобновляется, рождая такихъ сыновъ. Съ трудомъ пробирается черезъ музыкантовъ на эстраду бургомистръ Зыбликевичъ, успѣвшій переодѣться въ національный эффектный, но рѣжущій глаза костюмъ: жупанъ на немъ бѣлый, атласный, контушъ бархатный, свѣтлоголубой, сапоги желтые, ножны и эфесъ сабли украшены бирюзой и кораллами. Онъ настоящій руководитель хора, онъ открываетъ шествіе дароносцевъ краткою рѣчью, въ которой примѣняетъ къ Крашевскому римское изреченіе о Помпѣй: *plura bella gessit, quam caeteri legerunt*, съ легкимъ измѣненіемъ: „Крашевскій болѣе написалъ книгъ, нежели иные во всю свою жизнь ихъ прочли!“—За тѣмъ на эстраду вступали поочередно вызываемые вице-президентомъ города Вейгелемъ записавшіеся представители и делегаты земель и обществъ по одиночкѣ или группами и въ краткихъ, но теплыхъ словахъ, привѣтствуя его, передавали ему свои подарки, вѣнцы, альбомы, картины, статуэтки. Были дары весьма цѣнные: отъ поляковъ въ Италіи вѣнецъ изъ серебра и золота, въ ящикѣ изъ флорентинской мозаики; серебряный свитокъ съ вырѣзаннымъ адресомъ на немъ изъ Стобгольма; множество чернильницъ, перьевъ, рогъ турій бѣловѣжскій, печать въ формѣ минарета, вѣнчающаго каменецъ-подольскій соборъ, золотыя ворота кievскія въ миниатюрѣ, серебряная статуэтка, изображающая Гедимина, работа умершей ваятельницы г-жи Скирмунтъ, пресъ-папѣ изъ горнаго хрустала отъ поляковъ въ Сибири, шкафъ съ древними монетами отъ купеческихъ приказчиковъ варшавскихъ, серебряная чаша отъ поляковъ изъ Чикаго, работы изъ янтаря отъ жителей Данцига, вещицы изъ Бельгіи и Нью-Йорка, Парижа и Дерпта, даже такія бездѣлки, какъ сапоги отъ какого-то варшавскаго сапожника,

глыба соли отъ солеколовъ въ Величкѣ, пирамида изъ огородническихъ растений отъ крестьянокъ изъ Черной Веси, близъ Кракова, колоссальные хлѣба и исполинскій пирогъ, присланный изъ Варшавы, который рѣзался на части для укладки въ вагонъ. Число подарковъ простиралось до 60, не считая полутора ста дипломовъ, адресовъ и книгъ. Если бы каждая изъ заявившихъ о себѣ 120 делегацій говорила только пять минутъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ продолжался бы 10 часовъ.—Громкія рукоплесканія привѣтствовали представителей польскихъ художниковъ въ Италіи, въ томъ числѣ Семирадскаго, делегата отъ Австраліи Жабу, итальянца отъ новооткрытой академіи Мицкевича въ Болоніи, устроенной итальянцами, но настоящій градъ рукоплесканій встрѣтилъ современныхъ союзниковъ галиційскихъ поляковъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, пріѣзжихъ чеховъ и моравовъ, адвоката Тоннера въ черной чамаркѣ, давнишняго полонофила, выражавшагося на польскомъ языкѣ, Челяковскаго, Фандерлика, Чигалика, произносившихъ свои привѣтствія на родномъ чешскомъ языкѣ, столь внятно однако, что каждое ихъ слово слушавшіе понимали, и убѣждались, что, между славянами, они съ чехами родные братья, а не далекіе какіе нибудь родственники. — Послѣ какихъ-нибудь двадцати рѣчей, по предложенію Вейгеля прерванъ былъ дальнѣйшій ходъ на эстраду остальныхъ депутацій, удовольствовавшихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ переданы въ газеты,—всталъ юбиляръ и, разгоняя столбами стоявшій дымъ отъ еиміама, прочелъ по печатному среди водворившейся глубочайшей тишины свою отвѣтную рѣчь.

Не мастеръ говорить, Крашевскій сообщался съ публикою тѣмъ способомъ, какимъ бесѣдовалъ почти ежедневно съ сотнями тысячъ читателей, то-есть, просто читалъ. Не будь этого ослабляющаго впечатлѣнія обстоятельства, мы признали бы эти полчаса кульминаціоннымъ моментомъ празднества,—до того они опредѣляли ясно, точно, безъ недомолвокъ, значеніе празднества и тотъ родъ чувства, который находилъ въ немъ свое удовлетвореніе. Передъ слушателями стоялъ не триумфаторъ, но на краю гроба находящійся старецъ, который, читая публичную исповѣдь, какъ въ первыя времена христіанства, смирялся и произносилъ самъ надъ собою строгій и въ сущности глубоко-безпристрастный приговоръ. Главная заслуга его только—любовь къ родному. Чтó заставило его работать—ему неизвѣстно, но только не жажда славы или надежда награды. Дни своего современнаго народа онъ всегда считалъ съ момента политической смерти этого народа, только съ 1772 г. идетъ, по его понятіямъ, нравственное возрожденіе, котораго не прервали и не остановили повстанія 1830 и 1863 годовъ. „Меня поддерживала, гово-

рять юбиларъ,—вѣра въ то, что лишенный независимости край, прекративъ свое государственное существованіе, имѣетъ право и обязанность жить какъ народъ, пока самъ не откажется отъ существованія, пока не совершитъ самоубійства. Онъ проявляетъ свое существованіе въ наукѣ, въ искусствѣ, въ развивающемся сознаніи народности, соединенномъ съ успѣхами въ просвѣщеніи и матеріальныхъ условіяхъ быта“. Золотая жатва растетъ на краю утучненной нивы. На этой нивѣ пришлось Крашевскому работать. Орудіемъ дѣйствія онъ избралъ литературнаго пролетарія, няньку челоувѣчества, старую басенку, сказку, повѣсть, которая даетъ простому уму удобоваримую пищу, создаетъ громадный кругъ читателей и служить пропедевтикой для мышленія. „Черный хлѣбъ этотъ я пеку,—говоритъ Крашевскій,—цѣлые поль-вѣка; хлѣбъ этотъ насущный былъ, можетъ быть, не вкусенъ и черствъ, но здоровъ. Не сбѣялъ я раздоровъ, никогда не кидалъ я камней ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Въ одномъ только, въ чемъ меня винять, я не раскаиваюсь: я дѣйствительно стоялъ при старыхъ идеалахъ, но я и теперь предпочитаю старые идеалы общему теченію, которое бы увлекало насъ къ скотоподобному состоянію (zbydłecenie)“. Старый челоувѣкъ сказался въ этомъ пунктѣ весь, со своимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ позитивизму, съ недоувѣріемъ къ новымъ путямъ изслѣдованія и мышленія, невѣдомымъ и нечаяннымъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда авангардомъ движенія являлась только метафизика, ужасавшая своею смѣлостью умѣренныхъ прогрессистовъ,—какъ ихъ же теперь пугаетъ позитивизмъ и еще болѣе радикальныя міросозерцанія. Изъ разрушенной польской Трои Крашевскій вынесъ, какъ Эней, свои пенаты, своихъ бронзовыхъ боговъ,—старые идеалы своего народа; онъ и теперь прижимаетъ ихъ крѣпко къ груди, не постигая, что идеаль не бронза и не камень, что онъ нѣчто живое, развивающееся и обновляющееся, и что нынѣ искомое обществомъ польскимъ какъ идеаль, безконечно различно отъ идеаловъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.— Но Крашевскій изъ тѣхъ идеалистовъ, которые готовы на всевозможныя уступки.— „Я всегда велъ къ этимъ идеаламъ по пути, по которому ангелы представлялись спящему Іакову всходящими на небо—то-есть, по *деревяннмъ ступенямъ* дѣйствительности, считаясь съ нашимъ положеніемъ, съ нашими силами“. Озираясь кругомъ, Крашевскій видитъ однѣ могилы, славные его нѣкогда сподвижники померли, всѣ вѣнцы достались ему, не самому заслуженному, но самому счастливому. Мысленно преклоняясь предъ этими могилами, онъ возлагаетъ на нихъ свои трофеи: „Не для меня вы это сдѣлали,—говоритъ онъ,—но для великой идеи общенароднаго труда, которой я былъ самымъ по-

слѣднимъ слугою". Онъ кончилъ поминальною молитвою за мучениковъ умственного труда, погибшихъ на терніяхъ усѣянномъ пути.

Уже смеркалось, публика разошлась по домамъ, подъ успокоительнымъ впечатлѣніемъ этого сильного и глубоко-прочувствованнаго слова. Вечеромъ, на маленькомъ театрѣ, единственномъ, которымъ обладалъ Краковъ, и вмѣщающемъ всего 800 мѣстъ для зрителей, шло представленіе пьесы Крашевскаго изъ шляхетскаго быта въ XVIII столѣтіи: *Кастелянновъ Медъ*. Юбиларъ присутствовалъ и при представленіи, и при заключительныхъ живыхъ картинахъ. Представленіе отличалось никогда невиданнымъ ансамблемъ: лучшія силы сценъ варшавской (Круликовскій—въ роли тартюфа-Солодухи), львовской (Ладновскій—въ роли ротмистра Каневы), краковской (Рихтеръ-Петрило), участвовали въ представленіи; прославившаяся и въ Америкѣ Елена Модржеевская (гр. Хлаповская) явилась въ роли кокетки Гурской. Въ антрактахъ оркестръ исполнялъ народные польскіе мотивы. Такимъ образомъ, сошелъ первый день юбилея, самый красивый и удачный въ смыслѣ соотвѣтствія всего, чтò въ немъ происходило, напередъ задуманной программѣ.

IV.

За то второй день изобилывалъ неожиданными эпизодами и характерными мелочами, крайне интересными для посторонняго наблюдателя. Утро было свободное, вакантное. Для развлеченія прїѣзжихъ устроена поѣздка по желѣзной дорогѣ въ соляныя копи Велиціи съ факелами, бенгальскими огнями, музыкою и пѣснями въ этихъ колоссальныхъ подземельяхъ. Часть публики посѣщала соборъ на Вавелѣ, примыкающій къ королевскому замку, превращенному въ казармы, богатую ризницу этого собора и подвальные склепы, гдѣ покоятся тѣла королей отъ Локтика и Казимира-Великаго до Августа II, а возлѣ нихъ тѣло князя Юсифа Понятовскаго и Костюшки. Самому юбилару представились въ церкви св. Анны гимназіи и низшія училища; потомъ его провожали въ агеллонскую бібліотеку, гдѣ въ засѣданіи филологическаго факультета ректоръ краковскаго университета, Юліанъ Дунаевскій, братъ епископа, одинъ изъ очень возможныхъ кандидатовъ въ австрійскіе министры, передалъ ему дипломъ на званіе доктора филологіи. Ректоръ былъ въ тогѣ, отороченной горностаеями, предъ нимъ несли три серебряные скипетра, пожалованные краковской академіи польскими королями; профессора облеклись въ разноцвѣтныя тоги и бархатные бѣреты. Въ числѣ ихъ блисталъ однако своимъ отсутствіемъ Станиславъ Тарновскій, профессоръ исторіи

польской литературы. Главнымъ событіемъ дня оказался обѣдъ по подпискѣ, данный чествующими Крашевскаго гостями юбиляру въ 6 часовъ вечера, въ томъ же тоннелѣ, гдѣ наканунѣ совершалось врученіе даровъ,—пиръ, во время котораго, за бокалами вина, многое задушевное могло высказаться на распашку. Число мѣстъ далеко не соотвѣтствовало требованію ихъ: всего, тѣснясь до послѣдней возможности, могло усѣсться 850 человѣкъ. Разумѣется, мѣста были отведены для гостей чеховъ, приберегалось одно и для Тургенева, котораго краковяне знали по его европейской славѣ, котораго пріѣздомъ сильно интересовались, и о намѣреніи котораго пріѣхать извѣщали юбилейный комитетъ телеграммы. Тургеневъ, однако, не могъ пріѣхать, и потому прислалъ на имя знакомаго ему представителя польской колоніи въ Петербургѣ, В. Д. Спасовича, изъ Буживаля, 15 (27) сентября, письмо слѣдующаго содержанія:

„Къ искреннему сожалѣнію непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій, съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулятъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича. Пр. и проч.“. Эти слова были поняты какъ свидѣтельство о горячемъ расположеніи единоплеменника, знаменитаго русскаго писателя, которое, если бы имъ было одушевлено большинство интеллигенціи, вывело бы дѣйствительно скоро польскій вопросъ изъ аномальной его теперешней колеи; но въ этихъ же словахъ усматривали, быть можетъ, не безъ основанія, крайній оптимизмъ по отношенію къ характеристикѣ настоящаго момента. Письмо Тургенева было слишкомъ важнымъ и интересующимъ всѣхъ фактомъ, чтобы его можно было оставить безъ огласки; г. Спасовичъ потому сообщилъ о немъ комитету и просилъ, чтобы ему предоставлено было слово за обѣдомъ, во время рѣчей, которыхъ значилось на спискѣ у президента Зыбликевича всего 12 или 15, изъ нихъ 6 или 7 обязательно возложенныхъ на представителей властей или учреждений. Что касается остальныхъ, то ораторы вызвались сами. Ни тѣ, ни другія рѣчи не проходили вовсе чрезъ какого бы то ни было рода

цензуру, комитетъ обращалъ вниманіе на лица, но не освѣдомлялся даже о содержаніи и духѣ того, что должно было быть произнесено.

Юбилейному комитету предстоялъ опытъ превращенія тоннеля въ обѣденную залу. Задача нелегкая; тоннель имѣетъ 160 шаговъ длины, всякій звукъ отражается сильно круглымъ сводомъ, вслѣдствіе чего отъ избытка резонанса при наполненіи его толпами разговаривающихъ выходитъ глухой неопредѣленный гулъ на подобіе шума волнъ морскихъ во время бури, котораго не въ состояніи никто осилить, хотя бы имѣлъ громаднѣйшія голосовыя средства. Два оркестра могли играть на балу 5 октября на двухъ концахъ тоннеля, не мѣшая себѣ взаимно и едва себя слыша. Вдоль тоннеля во всю его длину, кромѣ середины, уставлены три параллельные ряда столовъ съ нумерованными стульями; въ серединѣ между двумя боковыми выходами помѣщался одинъ почетный столъ, за которымъ посаженъ юбиляръ между маршаломъ сейма графомъ Людвигомъ Водзицкимъ и президентомъ академіи наукъ Іос. Мейеромъ, а насупротивъ него Зыбликевичъ между графомъ Августомъ Цѣшковскимъ, философомъ и экономистомъ, и княземъ Эад. Любомірскимъ. Остальные два десятка мѣстъ занимали ректоры обоихъ галиційскихъ университетовъ, д-ръ Малецкій, старикъ Смолька, братья и племянники юбиляра, и лица, испросившія себя право говорить. Освѣщеніе было превосходное, газовое, прислуга многочисленная и исправная, кушанья хорошо сервированы, винъ, въ особенности венгерскихъ, большое изобиліе; объ одномъ не подумали и не сдѣлали никакихъ приспособленій къ тому, чтобы дать возможность ораторамъ говорить, а публикѣ если не всей, то по крайней мѣрѣ половинѣ ея—слушать рѣчи этихъ ораторовъ. Надлежало устроить кафедрѣ, поставить громкій колокольчикъ передъ президентомъ, давать знать поднятіемъ флага о началѣ и окончаніи рѣчи, печатнымъ объявленіемъ на стѣнахъ просить публику не двигаться и не говорить, пока флагъ приподнятъ. Ничего подобнаго не было придумано, съ половины обѣда началось движеніе съ концовъ къ серединѣ въ чаши рѣчей, которыя начались въ самомъ концѣ между куропатками и десертомъ. Съ первой же рѣчи опытнаго оратора Водзицкаго, весьма официальной, законченной тостомъ въ честь „покровителя польской литературы“ австрійскаго монарха, уяснилось, что при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ, напрягая всѣ силы, ораторъ не изъ слабогрудныхъ можетъ передать свои мысли какимъ-нибудь 60 или 70 чело-вѣкамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные будутъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о его идеяхъ и намѣреніяхъ. Слѣдующій затѣмъ ораторъ, милый старичокъ Мейеръ, хотя сталъ на стулъ, на которомъ стоялъ потомъ полчаса, не только ничего не сообщилъ присутствующимъ, но и самъ себя вѣроятно не слышалъ, что можно было заключить по его отчаяннымъ жестамъ. Утверждаю, что всѣ затѣмъ послѣдующіе

ораторы говорили не для публики, что ни о какомъ общемъ впечатлѣніи ихъ словъ на публику и рѣчи быть не можетъ, что они соблюдали въ сущности одну форму, кидали рѣчь, фразу за фразой, въ эту пучину, въ этотъ оглушающій шумъ, похожій на гулъ огромнаго парового котла въ полномъ дѣйствіи; надежда ихъ вся заключалась въ томъ, что на слѣдующій день газеты выловятъ эти рѣчи, возстановятъ ихъ по черновымъ запискамъ и огласятъ то, что ораторами почти втайнѣ было произнесено. Такова была участь всѣхъ вообще рѣчей Зыбликевича и самого Крашевскаго, провозгласившаго тостъ въ честь города Кракова, Вротновскаго и Тоннера, наконецъ, донесшійся всего рѣзче до русской публики при посредствѣ газетъ эпизодъ, заключающійся въ рѣчи г. Спасовича и протестъ противъ ея заключеній Ксаверія Лиске. Такъ какъ эпизодъ этотъ породилъ самые разнообразные толки, то онъ требуетъ разбора и поясненія. Рѣчь г. Спасовича была слѣдующая:

„Въ одинъ торжественный моментъ, точно въ каплю, стеклось полвѣка упорнаго труда одного великаго гражданина, скажу больше: полвѣка трудной жизни цѣлаго народа. Можетъ быть, я бы и не посмѣлъ говорить въ эту торжественную минуту, я—единица среди тысячъ другихъ, если бы меня не заставили случай и стеченіе обстоятельствъ явиться передатчикомъ пріязненныхъ и, смѣю сказать, искреннихъ чувствъ отсутствующихъ людей. Моими устами ветеранъ русской литературы, ученикъ Пушкина, Иванъ Тургеневъ провозглашаетъ тостъ за здоровье славнаго ветерана польской литературы, сподвижника Мицкевича. „Я увѣренъ,—пишетъ Тургеневъ,—что въ моемъ лицѣ громадное большинство интеллигентной Россіи привѣтствуетъ и протягиваетъ руку Крашевскому“. Каковы бы ни были старанія заключить сегодняшнее торжество въ тѣсныя рамки народной исключительности, это намѣреніе неосуществимо, исключительность устранена, стальной обручъ лопнулъ, прорываются другія стихіи, къ пѣсни польской присовокупляются иные звуки, правда тихіе, но явственные, звуки славянскіе. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивался я вчера къ событію, небывалому со временъ, можетъ быть, Ягеллоновъ,—какъ неслись публично, гласно изъ Суконницъ на рынокъ краковскій, рѣчи на языкѣ апостола Польши св. Войтѣха, произносились гостями, заѣзжими изъ Чешской Праги и Оломунца (Ольмюца); эти господа явились сами лично и сѣли за нашъ общій столъ, другимъ единоплеменникамъ временныя обстоятельства внушили иной образъ дѣйствія, они не явились сами лично, но желаютъ, чтобы и ихъ также на этомъ пиру помянули. Отвѣтъ на это требованіе даютъ намъ наши народныя поэтическія преданія. Вспомните, господа, какъ нѣкогда, средь петербургской непогоды, стояли, обнявшись подъ однимъ плащомъ два юные поэта передъ колоссомъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пушкинъ вспоминалъ съ чувствомъ еще въ

1834 г. о предсказаніяхъ Мицкевича, касающихся временъ, „когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“. И Мицкевичъ намъ развилъ ту же самую мысль, опредѣливъ даже родъ и способъ международнаго общенія. Онъ изображалъ это общеніе въ видѣ двухъ скалъ альпійскихъ изъ одного же гранита, которыя клонятъ, одна къ другой, свои заоблачныя вершины, хотя онѣ внизу на вѣки раздѣлены струею воды и едва слышать шумъ этой своей разлучницы. Итакъ, да клонятся одна къ другой эти заоблачныя вершины, но да памятуютъ онѣ, что ихъ раздѣлила на вѣки струя воды; да памятуютъ, что легче живется въ семьѣ, что удобнѣе быть нѣсколькимъ, нежели одному, и что, по словамъ чешскаго патріота, произнесеннымъ въ 1867 г., въ Москвѣ, гораздо краше и полнѣе музыка десяти колоколовъ, звучащихъ одновременно съ одной и той же башни, нежели то, если бы всѣ колокола были сплавлены въ одинъ колоколъ, громадный, правда, но всегда одинокій. Я думаю, что не подвергнусь упреку въ излишнемъ мечтательствѣ, если выражу простое желаніе, не опредѣляя вовсе времени его осуществленія: завтра, либо чрезъ десять, либо чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Желаніе ставить цѣли подобаеъ всякому, осуществленіе только зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми не всегда можно располагать. Я бы желалъ, чтобъ на будущемъ подобномъ умственномъ пиру, если бы онъ случился у какого-либо изъ крупныхъ славянскихъ народовъ, сѣли бы за одинъ столъ и преломили бы хлѣбъ представители всѣхъ славянскихъ націй“.

Несправедливо то, будто бы, какъ написано въ Краковскомъ „Czas“ (№ 229) рѣчь г. Спасовича принята была холодно; ей рукоплескало большинство изъ слышавшихъ, но несомнѣнно она не могла рассчитывать на то, чтобы всѣмъ угодить: вездѣ есть непримиримые, страсти еще не улеглись, отдѣльныя шиканья были неизбежны; пронеслись и шиканья. По стеченію обстоятельствъ, слѣдующій изъ вызванныхъ по списку для произношенія рѣчей ораторовъ, былъ профессоръ исторіи и ректоръ львовскаго университета, нестарый еще человѣкъ, съ явственно шведскимъ очертаніемъ лица д-ръ Ксаверій Лиске, какъ оказалось, одинъ изъ противниковъ всякаго сближенія, который поставилъ себѣ задачею протестовать противъ предложенія г. Спасовича, притомъ предложенія или плохо имъ понятаго или обобщеннаго имъ до значенія здравицы за всѣ славянскіе народы безъ разбора, между тѣмъ, какъ оно клонилось только къ сближенію между интеллигенціями, каковы бы ни были, впрочемъ, отношенія между цѣлыми народами, хорошія или даже дурныя. Г-нъ Лиске вскочилъ быстро на стулъ, со стула на самый обѣденный столъ, и порывисто, нервно, съ сильною жестикуляціею повелъ рѣчь, начавъ ее такими безспорными словами, на которыя онъ зналъ, что не могутъ не откликнуться всѣ присутствующіе безъ изъятія, каждый по

своему: „Jeszcze Polska nie zginęła... пока производить людей труда и заслуги, пока рождаетъ такихъ людей, какъ юбиляръ“... Это была основная идея и юбилей, и слова къ публикѣ самого Крашевскаго, но съ маленькою оговоркою: не погибла *какъ народность*, но съ совершеннымъ устраненіемъ вопроса политическаго. Для г. Лиске, наоборотъ, эта фраза послужила ступенькою, на которую ставъ, онъ тотчасъ же вскочилъ на политическій конекъ и пошелъ... Приводимъ его слова, по 273 № „Петербургскихъ Вѣдомостей“: „Небольшимъ слабымъ народамъ и государствамъ нельзя существовать и жить отдѣльно. Теперь творятся въ Европѣ огромныя аггломерациі. Мы имѣемъ право на существованіе, добытое нашею культурою, но кто скажетъ, что мы не нуждаемся въ другихъ, что мы можемъ устроиться сами по себѣ, тотъ совершаетъ преступленіе. Если бы мы вздумали, вопреки волѣ державы, съ которою связала насъ судьба, дойти до того, что утратили, то мы бы не дошли ни до чего и утратили бы даже, что имѣемъ. Мы готовы въ *политическихъ* дѣйствіяхъ соединиться со славянами, но только съ тѣми, кто намъ искренній другъ; но думать о союзѣ со всѣми славянами—это для насъ невыгодно. Я славянinizъ, но провозглашать тоску за всѣхъ славянъ, а стало быть и за тѣхъ, которые не имѣютъ здѣсь ни единого представителя—я не могу. Это значило бы утверждать, что всѣ споры окончены, всѣ раны закрыты. Такого здравія я пить не могу“.

Очевидно, что если бы на обѣдѣ присутствовалъ самъ Тургеневъ или даже кто-нибудь изъ русскихъ, либо приславшихъ изъ Петербурга коллективную депешу, подписанную: „Е. Рагозинъ“, либо приславшихъ другую большую поздравительную телеграмму отъ славянскаго комитета за подписью г. Владиміра Ламанскаго, то у Лиске не оказалось бы послѣдняго заключительнаго его аргумента, который въ сущности можно бы выразить такъ: „неискренни они, коль скоро не пріѣхали“. Съ этой стороны, сами краковіане выражали сожалѣніе объ отсутствіи Тургенева, оно бы помѣшало возникнуть эпизоду Лиске и перейти потомъ въ русскія газеты, раздутому и выхваченному изъ всего юбилей, какъ будто бы въ немъ-то и выразилось общее настроеніе всѣхъ участвовавшихъ. Въ словахъ Лиске мысль Тургенева была передернута, изъ умственного сближенія переведена въ политическое. Я думаю, что только сильная страсть могла бы заставить кого бы то ни было отвергать пользу умственного сближенія въ принципѣ; оспаривать своевременность заявленія Тургенева, конечно, можно было, и не безъ нѣкоторыхъ довольно вѣскихъ основаній. Можно было оспорить силу полномочій писавшаго письмо, усомниться въ томъ, выражаетъ ли оно не только чувства громаднаго большинства, но даже просто большинства интеллигенціи, можно было бы пройти по тезису о цѣнѣ благихъ намѣреній, и выразить сожалѣніе, что при своихъ благихъ намѣреніяхъ эта

интеллигенція столь слабосильна въ практическомъ отношеніи, что не можетъ имѣть даже смягчающаго вліянія на существующее положеніе вещей. Но г. Лиске вовсе не туда гнулъ, отвергнувъ самую мысль сближенія, во имя наболѣвшихъ ранъ, — онъ, какъ истый галиціанинъ, поднялъ славянское знамя, но въ тѣсныхъ австрійскихъ предѣлахъ и предложилъ союзъ — съ кѣмъ же? съ чехами и моравами! Они, положимъ, хорошіе люди, но развѣ не чехи были теоретики столь ненавистнаго г-ну Лиске панславизма, развѣ не отъ нихъ шелъ починъ въ 1867 славянскаго съѣзда въ Москвѣ? Нынѣ они сближаются въ виду временнаго преобладанія федеративной идеи въ Габсбургской державѣ; время этому новому союзу всего безъ году недѣля; что же можно строить на такомъ пескѣ? А и само расположеніе Австріи къ польскому элементу въ Галиціи восходитъ не Богъ вѣсть къ какому отдаленному времени. Еще то самое поколѣніе, къ которому принадлежитъ г. Лиске, если не воспиталось, то по крайней мѣрѣ по цѣлымъ годамъ сидѣло въ австрійскихъ тюрьмахъ. Безтактность рѣчи ректора Лиске заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, взглянувъ на славянской вопросъ по-галиційски и ставъ съ своей субъективной стороны совершенно лойально подъ сѣнь Габсбургскаго орла, онъ сошелъ съ общепольской точки зрѣнія и не принялъ въ соображеніе, что на сей послѣдней точкѣ зрѣнія можно безпрепятственно лелѣять свою литературу, науку, искусство только подъ условіемъ отказа отъ виѣшней политики, что политически польскій вопросъ есть только внутренній вопросъ каждой изъ трехъ державъ, которымъ поляки подвластны, что имъ слѣдуетъ желать, чтобы судьба не заставила ихъ никогда стоять другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ при какихъ-нибудь столкновеніяхъ между великими восточно-европейскими державами, что пора имъ, наконецъ, перестать быть тѣми щипцами, посредствомъ которыхъ вынимаются каштаны изъ огня.

Рѣчь Лиске покрыта была рукоплесканіями тѣхъ все-таки немногихъ, которые ее разслышали. Никто не шикалъ, шиканье было бы невозможно, и неприлично, и не деликатно, въ виду ея лойально-австрійскаго смысла; возражать значило бы демонстрировать противъ хозяина, допустившаго, въ сущности, исполниться юбилейному празднеству. Несоглашавшіеся просто молчали. Вслѣдъ за первымъ рѣзкимъ диссонансомъ, пошли другіе. Явились жалобщики, скорбныя слова которыхъ опровергали въ корнѣ австро-славянскую программу г-на Лиске, такъ какъ на эти жалобы не предвидѣлось помощи и облегченія ни откуда. Заговорили познанскіе поляки, ксендзь Пользовскій, редакторъ Торнской газеты Даніелевскій и другіе. Доставалось „проклятымъ нѣмцамъ“ за ихъ легальный экономическій походъ на востокъ, вытѣсняющій славянскую народность, подрѣзывающій у нея корни. Собраніе стало превращаться въ сеймъ, въ вы-

слушиваніе рекриминацій, общее пропадало, стали сквозить мѣстные партикуляризмы. Связать разсыпавшееся и привести опять къ одному знаменателю—взялся ректоръ Ю. Дунаевскій, на котораго возложено было произнесеніе послѣдняго тоста: *Kochałmy się*. Рѣчь эта, исполненная остроумія и юмора, славилась любовью, но ту, которая чужда самолюбія, и выражала надежду, что затопившія городъ Краковъ волны благородныхъ чувствъ народныхъ поглотятъ и покроютъ „наши мелкія, но тѣмъ не менѣе вредныя ссоры и несогласія“. Этотъ совѣтъ подѣйствовалъ: несмотря на драстическіе эпизоды, общее впечатлѣніе было пріятное, успокоивающее. Не могли же сойтись восемьсотъ или девятьсотъ человѣкъ, и притомъ поляковъ, которыхъ откровенность въ своей національной средѣ почти вошла въ пословицу, безъ того, чтобы не поспорить, а спорили они свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и разошлись, несмотря на разницы во взглядахъ, въ спокойствіи и согласіи. Обнаружилась тутъ же еще одна хорошая сторона народнаго характера: большая щедрость на жертву въ минуту, когда всѣ разстроганы. Графъ Мэнцинскій собралъ въ самое короткое время до двухъ тысячъ гульденовъ на польскій театр въ Познани. Предстоялъ еще сборъ на памятникъ Мицкевича въ Краковѣ, но самый неожиданный сюрпризъ въ этомъ родѣ готовился на слѣдующій день, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго долженъ былъ явиться Генрихъ Семирадскій.

V.

При описаніи третьяго и послѣдняго юбилейнаго дня 5 октября я извиняюсь, что совсѣмъ обойду балъ въ Суконницахъ, данный городомъ пріѣзжимъ. Плохая столовая оказалась превосходною бальной залой. Національные польскіе костюмы были великолѣпны, во второмъ этажѣ устроены были буфеты, венгерское и шампанское лились рѣками. Намѣстникъ Галиціи, пріѣхавшій изъ Львова, графъ Альфредъ Потоцкій открылъ балъ, на которомъ не показался, однако, юбиляръ, слегшій въ постель отъ излишняго утомленія, и совсѣмъ выбившійся изъ силъ. Отказываюсь также пользоваться картинками мѣстнаго быта и нравовъ, которыя могли бы послужить иллюстраціею къ юбилею. Я былъ свидѣтелемъ 5 октября, въ воскресенье (день Богородицы, такъ-называемый четочной или Ружанцовой), громаднѣйшаго крестнаго хода: хоругвь за хоругвью, переносная икона возлѣ иконы, на разстояніи полуверсты отъ церкви св. Маріи до Доминиканъ; при этомъ вышнемъ великолѣпнѣ римско-католическаго богослуженія, какъ малыми и ничтожными сравнительно по размѣрамъ и скоротечности являются свѣтскія празднества внутри Суконницъ. При мнѣ ночью на рынкѣ толпы мальчишекъ упражнялись въ швыряніи камней въ евреевъ, которые спасались молча и не пытались

сопротивляться. Но при мнѣ также, при поминовѣніи умершихъ въ текущемъ году художниковъ при католическомъ богослуженіи, священникъ предлагалъ народу гласно молиться и за Маврикія Готлиба, талантливаго живописца, еврея по вѣроисповѣданію. Не оставлюсь я и на почетномъ адресѣ, присланномъ Крашевскому отъ польскихъ соціалистовъ, и на томъ, что десятка три такихъ содержатся въ краковской тюрьмѣ, въ ожиданіи обвинительнаго акта, въ которомъ они будутъ преданы суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Меня займетъ только то, что происходило съ 2 до 4 часовъ пополудни въ ресторанѣ Гертѣ, гдѣ въ тѣснотѣ, въ небольшой залѣ собрались запросто литераторы и художники (болѣе 120 человекъ), отобѣдали вмѣстѣ съ юбиляромъ и братьями-че-хами. Никогда, можетъ быть, на столь тѣсномъ пространствѣ не собиралась такая масса польской интеллигенціи, такой ея цвѣтъ и подборъ. Возлѣ Крашевскаго помѣщалась европейская знаменитость Августъ Цѣшковскій, однимъ изъ распорядителей былъ Андриоли, рисовальщикъ иллюстраторъ, родомъ полякъ, по крови итальянецъ, одинъ изъ той пресловутой тысячи гарибальдійцевъ, которая завоевала Сицилію. Былъ и архитекторъ Прилинскій, явились и „архистанчики“ Шуйскій и Тарновскій, усѣвшіеся рядомъ. Возлѣ Крашевскаго отведено было мѣсто Генриху Семирадскому, который при Янѣ Матейкѣ, если бы сей послѣдній былъ на юбилей, занималъ бы второе мѣсто; но когда Матейко, по необъяснимой причинѣ, уклонился отъ юбилея, уѣхалъ и даже не согласился, чтобы его „Битва подъ Грюнвальдомъ“ была выставлена для публики во время юбилея, то вслѣдствіе того первое мѣсто очистилось, и мастеръ кисти, знатокъ древности, мало, правда, національный, но много знающій и высокоталантливый Генрихъ Семирадскій, являлся уже первую по величинѣ художническою силою въ области искусствъ. Къ Семирадскому нельзя было не чувствовать влеченія даже тому, кто не былъ безусловнымъ поклонникомъ рода его живописи, за то, что она вдохновляется до сихъ поръ почти исключительно античными образцами и итальянцами. Составляя совершенную противоположность съ своимъ брюзгливымъ, капризнымъ и крайне самолюбивымъ, зависимымъ отъ своенравной жены, но гениальнымъ краковскимъ живописцемъ, Семирадскій, несмотря на свою славу, дѣтски простъ, скромнень и юнъ, точно начинающій художникъ. Пожертвованіе рѣшено наканунѣ, въ субботу, въ чрезвычайно забавной формѣ. Зыбликевичъ удерживалъ артиста отъ повѣшенія на избранной имъ стѣнѣ „Свѣточей христіанства“, въ виду того, что художникъ не богатъ и живетъ своими трудами, но Семирадскій настоялъ: „нигдѣ я не найду лучшаго свѣта для моей картины, какъ на этой стѣнѣ“, что и дало потомъ поводъ къ пререканію о томъ, кто кому болѣе обязанъ, художникъ ли городу за стѣну, или городъ ему за картину.

Обѣдъ шель живо и весело, пришло извѣстіе объ избраніи Крашевскаго почетнымъ президентомъ парижскаго международнаго литературнаго общества. Особенно характерны были рѣчи обоихъ „станчиковъ“. Шуйскій нападалъ на малодушныхъ людей, которые опасаются ежеминутно смерти отъ угасанія энтузіазма. Народъ, имѣвшій 9 вѣковъ политической исторіи, 5 литературной, народъ, произведшій Кохановскаго и Мицкевича, не можетъ умереть, говорилъ онъ. Онъ можетъ обѣднить болѣе прежняго, но и въ лохмотьяхъ нишаго онъ будетъ держать себя какъ король Лиръ: every inch a King. Народъ таковъ, какимъ его создали вѣка: мягкій какъ воскъ, впечатлительный какъ женщина, вспыхивающій какъ динамитъ. Не объ огнѣ должна быть наша забота, но о томъ, что съ нимъ сдѣлать, какъ вылипить ту чашу, въ которой онъ будетъ горѣть, какъ обезпечить и усилить его благотворное вліяніе.

Тарновскій, повидимому, хвалилъ только чеховъ, но косвенно его рѣчь мѣтила вообще во всѣхъ славянъ, въ ней и неназванныхъ, и по замыслу оратора была язвительнѣе словъ самого Лиске, но являлась въ изящной, тонкой формѣ, почти недопускающей возраженія: „Мы здѣсь въ семьѣ, но и семьи бываютъ разныя. Родство, говорятъ, только случайность, оно становится связью, когда его укрѣпляютъ уваженіе и дружба. Мы не разъ наблюдали между родными, что лицо, которое было бы совершенно безразлично, будь онъ постороннимъ, становится особенно противнымъ потому именно, что онъ родной, когда онъ не таковъ, какимъ слѣдуетъ быть. То же бываетъ между народами: этнографическая близость отталкиваетъ ихъ иногда, если они разобщены по духу. Къ счастью, есть родные, которыхъ мы уважаемъ, отъ которыхъ поляки получили христіанство, которые подають намъ примѣръ, какъ собираться съ силами, какъ созидать литературу, какъ содѣйствовать благосостоянію престога народа, заботясь объ его нуждахъ и расширяя, такимъ образомъ, основаніе народности“. Среди обѣда явился Зыбликевичъ, поднялъ тостъ за Семирадскаго и далъ ему случай заявить объ условленномъ уже, но остававшемся тайною, для всѣхъ, кромѣ Зыбликевича, пожертвованіи не для города, но для „цѣлаго края“. Изумленіе было всеобщее, Добржанскій справедливо замѣтилъ, что Семирадскій явился настоящимъ магнатомъ, потому что только магнаты были бы въ состояніи сдѣлать столь цѣнный даръ. Стѣнныя афиши возвѣстили городу о пожертвованіи. На слѣдующій день устроено было громадное шествіе съ факелами къ гостинницѣ, гдѣ остановился художникъ, послѣ чего, по его предложенію, сдѣлана такая же овація Крашевскому и Зыбликевичу. Важнѣе то, что примѣръ подѣйствовалъ: шестнадцать живописцевъ пожертвовали также свои картины, и съ легкой руки Семирадскаго сразу возникла картинная галерея, которая займетъ значительную часть верхняго этажа Суконницъ, вмѣсто пред-

полагавшагося промышленнаго музея, остающагося по прежнему въ стѣнахъ Францисканскаго монастыря. Расщедрились не только художники, но и капиталисты: обильно текли деньги на памятникъ Мицкевичу. Кто-то, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, внесъ 20,000 гульденовъ на пользу общественную. Юбиларъ озабоченъ былъ мыслью, какъ бы на этотъ фондъ и на ожидаемая въ будущемъ пожертвованія устроить матицу польскую въ Краковѣ, на подобіе чешской, посвященную издательству полезныхъ и популярныхъ книгъ. Эти старанія и заботы совпали съ днями разѣзда гостей съ юбилея и постепеннымъ опустѣніемъ Кракова, который превратился опять въ то, чѣмъ былъ—городъ гробницъ, церквей, да тихихъ научныхъ занятій, по отношенію къ которымъ онъ является нынѣ главнымъ центромъ польской научной производительности...

Замерли послѣдніе звуки тостовъ и музыки подъ сводами тоннеля Суконницъ, сливавшіеся въ глухой шумъ и гулъ; но тогда-то именно и начался гулъ другого рода, передача подробностей отбытаго празднества во всѣ концы свѣта, посредствомъ газетъ. Я не могъ слѣдовать за тѣмъ, какъ раздается этотъ гулъ въ западной Европѣ, но что касается до русской и въ особенности петербургской прессы, то мнѣ казалось, что эта пресса была въ этомъ сильно похожа, по акустическимъ своимъ условіямъ, на описываемый мною краковскій тоннель, съ тою разницею, что въ Краковѣ заглушались одинаково, сливаясь вмѣстѣ, всѣ звуки, а въ русской прессѣ одинъ какой-нибудь выдѣлялся и усиливался насчетъ другихъ, звучалъ протяжно, искажаясь и уклоняясь отъ первоначальной интонаціи. Надъ всѣми событіями юбилея господствовалъ, разумѣется, въ этихъ толкахъ эпизодъ рѣчи Лиске, какъ будто бы въ этомъ эпизодѣ и заключался весь смыслъ юбилея, или, по крайней мѣрѣ, какъ будто бы этотъ эпизодъ и былъ главнымъ моментомъ празднества. Не стоить, конечно, и обсуждать такіе отголоски газетъ, которые поражаютъ столько же невозмутимымъ апломбомъ, сколько и плохимъ знаніемъ фактовъ; но нельзя не обратить вниманіе на письмо изъ Варшавы ректору львовскаго университета, подписанное „Русскимъ, почти бывшимъ на юбилей“. Письмо писано лицомъ, знающимъ многія мелочи событія, лицомъ, очевидно, интересовавшимся юбилеемъ, собиравшимся, можетъ быть, ѣхать, но въ концѣ-концовъ вынужденнымъ себя назвать „почти бывшимъ“. Авторъ горячо желаетъ сближенія альпійскихъ вершинъ, авторъ винитъ Лиске въ ношеніи повязки пристрастія на глазахъ; все это хорошо, но бѣда въ томъ, что доводы, которыми онъ опровергаетъ рѣчь Лиске, таковы, что легко могутъ каждому придти на мысль слова: врачу — исцѣлился самъ. Но вотъ тутъ-то и обнаруживается, какъ трудно совершиться, при самыхъ сильныхъ желаніяхъ, сближенію вершинъ, вследствие сумбура въ головахъ и неяснаго пониманія отношеній. Г-нъ „Почти бывший“ и г-нъ Лиске,

хотя, повидимому, противники, но въ сущности они вовсе не такъ далеки другъ отъ друга, какъ то кажется съ перваго раза, и родственныя между ними черты бросаются въ глаза: одинъ ищетъ въ прошедшемъ, не было ли какихъ обидъ, другой—не обязанъ ли кто кому благодарностью. Въмѣсто того, чтобы устранить корень пристрастія, субъективное чувство, и поставить вопросъ на почву чисто-практическую, утилитарную, реальную, указать на величайшій интересъ для обѣихъ націй отъ сближенія въ будущемъ и объяснить непосредственно вытекающія отъ сего выгоды, авторъ „Письма“ сталъ также сводить конторскіе счеты, кто чѣмъ кому обязанъ, и относя въ *debit* счета польскаго народа все, чѣмъ былъ облагодѣтельствованъ когда-либо и кто-либо изъ польскихъ писателей или артистовъ кѣмъ-либо изъ русскихъ или въ Россіи, составилъ счетъ, который нельзя не признать до нѣкоторой степени аптекарскимъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи этого счета невѣрны, а другія спорны. Правильности счета мѣшаетъ все то же и безпрестанно повторяющееся смѣшеніе политическаго съ культурнымъ. Государство по своему назначенію должно ассимилировать инонародные элементы, изъ чего не вытекаетъ однако никакой необходимости вытѣснять уже обрѣтающіяся въ предѣлахъ государства культуры. И культуры ассимилируются, но только чрезъ медленное, послѣдовательное и добровольное между собою сближеніе, выражающееся какъ во взаимодѣйствіи, такъ и въ позаимствованіяхъ. Сближаясь, культуры могутъ навсегда сохранять свою индивидуальность, нисколько не мѣшающую наитѣснѣйшему сближенію. Если частица инонародной культуры очутилась по ходу исторіи въ предѣлахъ чуждаго ей, по ея прежнимъ отношеніямъ, государства, то изъ этого голаго факта не вытекаетъ, чтобы она была государству чѣмъ-либо обязана, такъ какъ оно и устранить внезапно эту культуру не въ силахъ. Иное дѣло отношенія между-культурныя; по мѣрѣ сближенія, устанавливаются тѣ связи не благодарности, на которую ни между частными людьми, ни между народами не принято разсчитывать, но—уваженія и дружбы.

Строя все на благодарности, авторъ „Письма“ надѣлалъ еще ошибокъ, которыя могутъ дать только весьма легкое оружіе противъ него же. Такъ, онъ утверждаетъ, будто бы Крашевскій, живя въ предѣлахъ Россіи, въ теченія не 40, какъ сказано въ письмѣ, а 32 лѣтъ своей дѣятельности, соприкасался съ русскою литературою и этому главнѣйше обязанъ тѣмъ, что онъ—Крашевскій. Будучи моложе Мицкевича, Крашевскій сталъ дѣйствовать въ тѣ именно годы, когда, къ сожалѣнію, всѣ связи прервались послѣ 1830 года между обѣими литературами, послѣ чего онѣ отвернулись одна отъ другой и перестали получать о себѣ извѣстія. Десятка два романовъ его переведены на русскій языкъ, но едвали въ какомъ-либо изъ его произведеній встрѣчается заимствованіе изъ русскихъ—литературы или быта, идей и сюжетовъ. Другое

утверждение „Письма“—относительно варшавской сцены—еще болѣе ошибочно, такъ какъ о талантахъ варшавскихъ можно сказать то же, что вообще о талантахъ по отношенію ко всякой театальной дирекціи. На дирекцію, напимѣръ, петербургскую, постоянно жалуются, а между тѣмъ, сцены не окончательно оскудѣваютъ талантами; изъ чего опять не слѣдуетъ, чтобы талантами Петербургъ былъ обязанъ дирекціи: они могли являться, несмотря на дирекцію. Авторъ утверждаетъ также, будто бы въ 1828 и 1829 годахъ открыли полякамъ значеніе Мицкевича русскіе критики, заступившіеся за него и защитившіе его отъ варшавскихъ рецензентовъ. Русскіе критики не читали варшавскихъ рецензентовъ тогда такъ же, какъ не читаютъ ихъ теперь, а узнали они Мицкевича потому, что въ Россію пріѣхалъ онъ уже предшествуемый громкою славою: уже его тогда носило на рукахъ все молодое поколѣніе. Наконецъ, авторъ „Письма“ приводитъ, какъ самый вѣскій аргументъ правъ на благодарность, такой фактъ, оглашеніе котораго даже и не совсѣмъ деликатно по отношенію къ виновникамъ этого факта. Въ 1844 году, Мицкевичъ лишился мѣста въ Collége de France за свой „товянизмъ“, бывшіе его московскіе друзья сложились, собрали значительную сумму, которую и отвезъ въ Парижъ Хомяковъ. Мицкевичъ принялъ даръ, рыдая какъ дитя. Фактъ вѣренъ, онъ прекрасенъ, преданіе сохранило даже цифру денегъ: кажется, 5,000 рублей. Никто изъ сложившихся въ Москвѣ не огласилъ, однако, этого факта, а потому возникаетъ вопросъ, удобно ли автору письма, стороною о томъ узнавшему, дѣлать изъ него употребленіе, котораго не думали дѣлать сами дарители, и потомъ ставить этотъ даръ частныхъ лицъ въ счетъ долга одного народа другому. Но что же доказываетъ при томъ этотъ фактъ? Признательность Мицкевича и его соотечественниковъ слѣдуетъ, конечно,—но кому? конечно, русскимъ, но русскимъ прошлаго, русскимъ того кружка, отъ котораго остались однѣ могилы, людямъ, которые гораздо горячѣе современниковъ принимали къ сердцу интересы западнаго славянства и несравненно болѣе смыслили въ польско-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскіе, въ особенности Самаринъ, даже Погодинъ и вн. Вяземскій — это гиганты, если сравнить ихъ сужденія съ выводами и соображеніями современной прессы. Въ пониманіи вопроса она отошла назадъ на какіе-нибудь полтора вѣка. И несмотря, однако, на это незнаніе, непониманіе, неумѣніе подойти къ вопросу — сила вещей его ставить и выдвигаетъ впередъ, такъ-что, касаясь его, нельзя не отнести къ нему иначе, какъ со словами, которыя легенда влагаетъ въ уста Галилею: *e pur si muove*—вопросъ все-таки движется и ищетъ себѣ разрѣшенія.

К. Д.

